

ПАМЯТИ

Тараса Григорьевича Шевченка

(По поводу 40-лтія со дня его смерти).

Сорокъ лѣтъ тому назадъ въ этотъ день умеръ въ Петербургѣ украинскій поэтъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. По колючему терну прошла житейская дорога бывшаго «крѣпостнаго человѣка», отмѣченнаго печатію гонія и ставшаго выразителемъ той массы народа, изъ которой онъ вышелъ и которая такъ много выстрадала, такъ много горячи вынесла изъ своей исторической прошедшей и современной ему жизни. Лишь нѣсколько дней не дожилъ поэтъ до объявленія того манифеста, который освобождалъ эту массу отъ крѣпостной зависимости.

Освобожденья мигъ, тобой давно желанный,

Совпалъ съ кончиною твоей,
И умеръ ты, какъ древле Моисей,
На рубежѣ земли обѣтованной.

До конца дней своихъ проникнутый бодрою вѣрою въ то, что въ концѣ-концовъ «встанетъ правда, встанетъ воля», поэтъ уже передъ самою смертію, въ тяжеломъ раздумьи, «голову сложивши въ руки», оставался надъ вопросомъ: «чому-жъ не иде аногостолъ правды и науки?»

Временно похороненный въ Петербургѣ на Смоленскомъ кладбищѣ, прахъ поэта былъ перевезенъ почитателями на его родину и похороненъ въ Кіевской губ. подлѣ г. Канева на высокой горѣ праваго берега Днѣпра.

Исполнить, такимъ образомъ, «Заповитъ» поэта:

Якъ умру, то похоройте
Мене на могилѣ,
Середь степу широкого,
На Украинѣ милой;
Щобъ ланы широкополи,
И Днѣпро, и кручи
Булы видни, було чути,
Якъ реве ревуцый.

И далеко видна съ Днѣпра эта одинокая могила, охраняемая которой въ надеждащемъ видѣ въ настоящее время обезпечено земляками. А вѣдшии въ какой широкой чудный видѣ!...

«У насъ нѣтъ такой другой могилы»,—писалъ посѣтившій ее въ 1895 г. известный писатель Г. Мачетъ: — «Тихая, одинокая могила такъ много говорить сердцу каждаго, поднимаетъ въ душѣ столько вопросовъ, будитъ столько заснувшихъ думъ въ головѣ; въ этомъ голубомъ просторѣ, подъ сѣнью какъ-бы застывшей пѣсни поэта, полной любви къ народу, дышется усталой груди такъ легко и привольно, что человѣкъ какъ-бы оживаетъ».

Эта великая могила должна бы прежде всего оживить въ насъ стремленіе къ исполненію дальнѣйшихъ строкъ «Заповита», того горячаго призыва, который вырвался изъ наболѣвшаго сердца поэта въ его посланіи «до живыхъ и ченарожденныхъ землякивъ, въ Украинѣ и не въ Украинѣ сущихъ».

Обнимите-жъ, брати мои,
Найменьшого брата!...

Обращаясь главнымъ образомъ къ интеллигенціи края, къ молодому поколѣнію, къ образованному классу родного народа, поэтъ въ томъ-же посланіи говорить:

Учитесь, брати мои,
Учитесь, чытайте,
И чужому научайтесь
И своєю не цурайтесь.

Въ одной изъ надгробныхъ рѣчей при погребеніи Т. Г. Шевченко въ Петербургѣ кто-то сказалъ: «Не по мертвыхъ бо пославъ його голосъ, а живыхъ на діло жызни въздыгаты». Въ этихъ словахъ намъ кажется, выразилась не только миссія поэта:—ими можно выразить и задачу интеллигенціи, чтущей память поэта, и задачу въ частности прессы: «не по мертвыхъ голосыты, а живыхъ на діло жызни въздыгаты».

«Не воспоминанія прошлаго, —писалъ 20 лѣтъ тому назадъ одинъ изъ известныхъ русскихъ ученыхъ публицистовъ,—не старинные счеты, не обиды, нанесенныя въ прошломъ, не отместка за все сдѣланное нѣмъ-либо въ прошломъ».

торические периоды, а будущее, дѣло регулиро-
ванія жизни въ будущемъ, дѣло обновленія ея
на новыхъ разумныхъ началахъ,—вотъ чѣмъ
надо заниматься, вотъ чему слѣдуетъ посвя-
щать свои силы и труды, вотъ на что слѣдуетъ
воздвигать живыхъ людей, вотъ въ чемъ заклю-
чается *«дѣло жизни»*. На это именно дѣло
вдохновлялъ поэтъ, призывая къ «работѣ на
пользу меньшого брата, къ работѣ надъ улуч-
шеніемъ его матеріальнаго быта и просвѣтлені-
емъ его ума».

И понятно, почему тамъ, гдѣ было больше
возможности проявиться общественной самодѣ-
тельности, признаніе общественно-историческаго
значенія поэзіи Шевченка очень скоро создало
учрежденія, соответствующія этому значенію:
въ Галиціи появилось множество школъ и народ-
ныхъ читателей имени Шевченка, а въ столицѣ
ея, Львовѣ, возникло ученое общество его и-
мени — «Науковѣ товариство имени Шевченка»,
которое, вѣроятно, скоро будетъ признано ав-
стрийскимъ правительствомъ украинскою акаде-
міей наукъ.

И у насъ уже, повидимому, получаетъ при-
знаніе необходимость связать съ именемъ Шев-
ченка такое общественное учрежденіе, которое
могло-бы, хотя-бы въ малой мѣрѣ, выполнять
«дѣло жизни», завѣщанное поэтомъ. Два года
тому назадъ утверждено правительствомъ уставъ
«Общества имени Т. Г. Шевченка для вспомо-
жества уроженцамъ южной Россіи учащимся въ
высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга».

Конечно, задачи этого общества, функциониро-
ующаго въ Петербургѣ, исключительно филантро-
пическія, но и при ихъ выполненіи, надо ду-
мать, имя великаго поэта послужить напоминаніемъ
хоть одной стороны *«дѣла жизни»*, выра-
женной словами: «и чужому научайтесь, и сво-
ю не цурайтесь!».

Къ сожалѣнію, не связано съ именемъ Т. Г.
Шевченка другое одновременно возникшее въ Пе-
тербургѣ «Благотворительное общество изданія
общепользныхъ и дешевыхъ книгъ», уставъ ко-
торого утвержденъ правительствомъ 19 ноября
1898 г., а § 1-й его гласитъ: «Общество имѣ-
етъ цѣлью придти на помощь религіозно-прав-
ственному и экономическому благосостоянію ма-

лорусскаго народа». Это «Общество» издало уже
нѣсколько народныхъ книжекъ на малороссій-
скомъ языкѣ. Надо думать, что самый фактъ
утвержденія устава этого общества указываетъ
на болѣе или менѣе близкое освобожденіе лите-
ратурнаго украинскаго языка отъ того ограниче-
нія, какое установилось съ 1876 г. и разрѣ-
шеніе употреблять его не только въ белагри-
стигѣ, но и во всѣхъ другихъ родахъ сочиненій,
служащихъ проsvѣщенію народа. Предсѣдателемъ
этого «Общества» состоитъ известный писатель
Д. Л. Мордовцевъ. Обращая вниманіе нашихъ
читателей на проsvѣдательную задачу этого
«Общества», не можемъ не выразить желанія,
чтобы сороковая годовщина смерти Т. Г. Шев-
ченка вызвала возможно болѣе широкій приливъ
пожертвованій въ пользу этого «Общества».

Конечно, пора-бы уже почтить память поэта
и учрежденіемъ школы его имени, и стипендія-
ми въ университетахъ, и преміями за лучшія
сочиненія, проливающимъ свѣтъ знанія въ темную
массу народа, и за труды по всестороннему изу-
ченію этой массы... И все это вѣдь было намѣ-
чено уже читателями поэта тотчасъ послѣ его
смерти! И во всемъ этомъ сказалась наша
всероссійская косность, наше непростительное
равнодушіе къ памяти великихъ людей, наше
малодушіе... Словомъ, все то, что такъ чуждо
было Шевченко, который въ далекой ссылкѣ, въ
качествѣ подневольнаго рядового солдата, и въ
минуты горькаго отчаянія просилъ Бога лишь
объ одномъ:

Не дай свята ходячому,
Сердцемъ замѣрты
И галлою колодою
На свѣті лежати!
А дай жыты, сердцемъ жыты,
И людей любити!

Для поэта хоть и страшнѣе было «умирать въ
неволи», но еще страшнѣй — «снаты, и снаты
на воли!»

Пусть-же этотъ благородный образъ поэта-
страдальца, поэта-пророка, вождя, пробудитъ на-
ше сердце и подскажетъ, чѣмъ и какъ мы мо-
жемъ и должны почтить память того, кто одинъ
горячо призывалъ насъ «обнять наименьшого
брата».

И къ правдѣ путь искалъ такъ неустанно
За тѣмъ, чтобъ *всѣмъ* открыть тотъ путь желанный.

Поэзія является здѣсь общественной силою, *полезною* въ высокомъ значеніи этого слова,—просвѣтительницей умовъ и сердецъ той самой толпы, которая стала теперь братьями поэта... Въ этомъ двойномъ направленіи—независимости личности, автономности ея и ея полезности—развивались и развиваются все дальше и дальше взгляды людей съ конца XVІІ в. и донувѣ. Важною ступеню въ развитіи личности было такъ называемое якобинство во Франціи, которое стояло на томъ, что избранныя, сильныя личности могутъ и должны однимъ взмахомъ, указомъ и распоряженіемъ сверху, перестроить весь складъ жизни и даже міросозерцаніе массъ народныхъ и осчастливить эти массы. Такія понятія въ политикѣ успѣли довольно скоро измѣниться, но въ поэзіи держались дольше и сдѣлались одною изъ основъ такъ назыв. романтизма.

Романтизмъ въ литературѣ, какъ якобинство въ политикѣ, устанавливалъ преимущества гениальной личности надъ массою, преимущество гения надъ способностью и трудомъ, а затѣмъ и преимущество проявленій гения, чувства и энтузіазма, надъ устойчивымъ, но слабымъ свѣтомъ обыкновеннаго житейскаго разума. Личность поэта стала высшею властію, освобождала отъ всякихъ правилъ и границъ, установившихся въ обществѣ; поэзія стала вдохновеніемъ, ясновидѣніемъ, чѣмъ-то божественнымъ и безсмертнымъ, творчество—жертвоприношеніемъ... Какъ на типичное проявленіе этихъ романтическихъ представленій, можно указать на «Импровизацію» Мицкевича (1832 г.) въ 3-й части его поэмъ «Dziady», гдѣ, между прочимъ, говорится:

Boga natury godne takie pienie!
Pieśń to wielka, pieśń-tworzenie,
Taka pieśń jest siła, dzielność,
Taka pieśń jest niesmiertelność, niesmiertelność tworzę:
Coż ty większego mogłeś zrobić, Boże!*

Поэтъ романтикъ кое въ чемъ похожъ на поэта Гораціевскаго: онъ ставитъ себя неизмѣримо выше толпы, занятой будничными интересами и неспособной даже понимать его («Уединеніе!.. что-же въ людяхъ? Что такое пѣвецъ для людей?») Но онъ этимъ не гордится, напротивъ,—это причиняетъ ему боль, онъ видитъ въ этомъ свое несчастье («Несчастный, кто для людей языкъ и голосъ утруждаетъ»). Онъ не пренебрегаетъ толпою, напротивъ: онъ хо-

*) «Такое пѣніе—божественной природы! То великая пѣсня, то—творчество. Такая пѣсня есть сила, крѣпость; такая пѣсня есть бессмертіе, бессмертіе она создаетъ. Что-же болѣе великое могъ Ты, Боже, создать?»

четъ быть ей полезнымъ, хочетъ послужить ей («Хочу его поднять, осчастливить, хочу удивить имъ цѣлый міръ»). Онъ несчастливъ несчастьемъ своего народа, всего народа, какъ личность избранная, онъ неизмѣримо сильнѣе чувствуетъ радости и скорби, чѣмъ кто-либо другой изъ людей; онъ, представитель народа, терпитъ за всѣхъ, за весь народъ («Называюсь я миллиономъ, потому что за миллионы люблю и терплю мученія»). На той высотѣ, на какую возведена личность поэта, сами собой проникаютъ ее и якобинскіе, и мессіянскіе взгляды; поэтъ хочетъ поднять, осчастливить свой народъ, но самъ, своею собственною волею исилюю:

Co ja zechce, niech wnet zgadną,
Spełnia, tem się uszczęśliwia,
A jeżeli się sprzeciwią,
Niechaj zginą i przepadną *).

Такимъ образомъ, поэтъ является якобинцемъ чистѣйшей воды. Онъ хочетъ поднять, осчастливить свой народъ не силою физической, не просвѣщеніемъ и наукою,—онъ хочетъ спасти его, двинуть какимъ-то чудомъ, возможнымъ только для всепильнаго чувства,—и такимъ образомъ онъ становится мессією, пророкомъ и спасителемъ народнымъ.

Кажется, и дальше мы попробуемъ это показать,—что «Импровизація» Мицкевича имѣла нѣкоторое вліяніе на зарожденіе основной мысли «Перебенди» Шевченка.

Что Шевченко хорошо зналъ и высоко цѣнилъ стихотворенія Мицкевича, объ этомъ имѣются достаточныя свидѣтельства.

Сравнивая «Перебендю» Шевченка съ «Импровизаціей» Мицкевича, находимъ ясное сходство въ нѣкоторыхъ мысляхъ обоихъ произведеній. Какъ пѣвецъ Мицкевича неизмѣримо выше толпы обыкновенныхъ людей, такимъ же является и «Перебенди» Шевченка, хотя и передѣтый изъ космополитическаго костюма въ убогую свитку украинскаго сѣльца—кобзаря. «Його на сімъ світі ніхто не прийма», говоритъ о немъ Шевченко:

„Оливъ вінъ міжъ нами, якъ сонце вимсоке.

Його знають люди, бо носять земля“, т. е. знаютъ его только внѣшнимъ образомъ, не входя въ его душу, въ его сокровенныя думы.

Какъ пѣвецъ Мицкевича духомъ своимъ обнимаетъ весь міръ, такъ Перебенди «все знае, все чує: що море говоритъ, де сонце ночує»... Какъ пѣвецъ Мицкевича смотритъ на себя, какъ на избраннаго посредника между Богомъ и людьми, и вступаетъ съ самимъ Богомъ въ бесѣду и споръ за свой народъ и даже грозитъ Ему

*) «Что я захочу, пусть они тотчасъ угадаютъ, исполнять, тѣмъ себя осчастливить; если же будутъ противиться, пусть сгинуть и пропадутъ».

борьбой, такъ и Перебенди одинъ на могилѣ въ степи украинской вѣщаетъ Божіе слово:

“То серце по волі зъ Богомъ розмоєла“.

Какъ поэтъ Мицкевича мыслью летитъ въ безконечность міра и достигаетъ того пункта, «гдѣ граничатъ Творецъ и природа», такъ и у Перебенди:

„Думка край світа ни хмарі гуля
Орломъ сязокрылимъ літає, ширяє,
Ажъ небо блакитне широкимъ бєє“.

Какъ пѣвецъ Мицкевича чувствуетъ себя не счастливымъ, тратя свой голосъ передъ людьми, такъ и Перебенди испытываетъ такое-же чувство: хотя онъ и старается не разъ скрыть свою глубокую скорбь подъ шуткою или веселою пѣнею, но все-таки «засинає, засмієтя, а на сліозы зерне». Страданіе его вытекаетъ изъ того же источника, что и у пѣвца Мицкевича,—изъ чувства своего одиночества среди людей:

«Однѣнъ вінъ міжъ нами... Нема йому въ світі хаты, його на сімъ світі ніхто не прийма».

Но рядомъ съ указаннымъ выше сходствомъ, находимъ и весьма существенныя отличія Перебенди отъ пѣвца «Импровизаціи» Мицкевича. Прежде всего у Перебенди нѣтъ и слѣда якобинскаго взгляда на народъ, какъ на массу, которую можно и должно благодѣтельствовать сверху, нѣтъ и тѣни какой-либо мессіянской претензіи быть спасителемъ, пророкомъ своего народа. Перебенди попросту и безъ претензіи дѣлаетъ свое скромное, но не маловажное общественное дѣло: онъ разгоняетъ людямъ тоску («винъ ймъ тучу розгоняє...») Такъ опредѣляетъ Шевченко дѣятельность кобзаря.

Въ краткихъ, но въ смыслѣ характеристики въ высшей степени выразительныхъ стихахъ Шевченко представляетъ намъ кобзаря въ разнообразной обстановкѣ, передъ различною публикой: вездѣ Перебенди умѣетъ держать себя съотвѣственно своимъ слушателямъ, находитъ пѣсно наиболее имъ любую и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболее соотвѣтствующую его цѣли. Такимъ образомъ, мы видимъ его прежде всего «зъ дівчатами на выгоні», гдѣ онъ поетъ «Грыця, та веснянку».

«Грыця»—это, очевидно, извѣстная пѣсня «Ой, не ходы, Грыцю, та на вечерниці». Въ пѣснѣ этой говорится о молодомъ чловѣкѣ, который ухаживаетъ за двумя дѣвушками одновременно, пока одна изъ нихъ, горячо его любившая, не отравила его. Основная мысль пѣсни выражена въ словахъ этой дѣвушки: «Ой, мамо, мамо, жаль вагы не має: нехай Грыцуню двохъ не кокає». Искреннее и сильное чувство выражается въ мести за легкомысленную и притворную игру въ любовь.

Какую именно «веснянку» поетъ Перебенди дѣвушкамъ, мы не знаемъ, но знаемъ, что всѣ

«веснянки» дышутъ здоровымъ и чистымъ чувствомъ жизнерадостности, молодой, свѣжей силы.

Затѣмъ мы видимъ Перебендю въ шинкѣ, гдѣ гуляютъ молодые люди, парубки. Тамъ онъ поетъ нѣсны пѣсни: «Сербина», «Шынкарку». Широко распространенная пѣсня про Сербина, существующая въ безчисленныхъ вариантахъ, рассказываетъ о томъ, какъ потурченный парубокъ казакъ купилъ на базарѣ цѣлиницу, которая оказалась его сестрою. Въ большей части вариантовъ пѣсни онъ и называется Турчиномъ, но часто и Сербиномъ. Нѣсколько вариантовъ этой пѣсни напечатано въ Сборникѣ, изданномъ Юго-Зап. отд. Геогр. Общества, «Историческія пѣсни малорускаго народа» (см. т. 1 стр. 275—280). «Пѣсня эта—сказано въ примѣчаніяхъ къ ней—принадлежитъ къ общеевропейскому кругу сказаній о кровосмѣшеніи. Малорусская народная поэзія представляетъ въ отношеніи этихъ сказаній весьма оригинальное явленіе, свидѣтельствующе о той широтѣ культурнаго общенія, какое имѣла, по своему географическому положенію и этнографическому составу, Южная Русь съ различными народами».

Уже самое названіе потурчившагося покушника Сербиномъ и сербо-болгарскій окликъ «бре» (Ой, бре, море, бре!...), который повторяется послѣ каждаго стиха пѣсни, указываетъ на ея юго-славянское происхожденіе. И въ самомъ дѣлѣ, у болгаръ и сербовъ встрѣчаемъ много пѣсенъ, въ которыхъ подробно описывается продажа пѣльныхъ невольнички. Сюжетъ этотъ принался и на Украинѣ въ силу историческихъ обстоятельствъ, которыя гнали тысячи нашего народа на крымскій и азіатскій невольничьи рынки. Примѣчаніе-же сюда легенда о кровосмѣшеніи—книжнаго происхожденія и перешла главнымъ образомъ изъ апокрифическаго житія св. Григорія, которое, въ свою очередь, представляетъ передѣлку древне-греческой легенды объ Эдипѣ.

Въ устахъ народнаго пѣвца, кобзаря Перебенди, чловѣка Божьяго, эта пѣсня про Сербина имѣла двойное значеніе: во-первыхъ, какъ историческое воспоминаніе о тяжелыхъ временахъ татарскихъ и турецкихъ набѣговъ, а, во-вторыхъ, какъ часто-поэтическое изображеніе ненормальныхъ общественныхъ отношеній («Такий теперь свѣтъ наставъ, що братъ сестры не пізнавъ»...), ненормальныхъ именно потому, что женщина-чловѣкъ становится товаромъ, продается и покупается на базарѣ. Печальное положеніе женщины въ подобныхъ обстоятельствахъ возмущаетъ сердце слушателей, пѣсня объ этомъ положеніи вызываетъ невольно слезы у каждаго. А въ этомъ и заключается ея высокое поэтическое морализующее значеніе и въ виду-то такого ея значенія Шевченко и влагаетъ ее въ уста Перебенди.

— 5 —

Такое же стремление к поэтическому правочеловеческому достоинству, т. е. желание поднять в людях чувство человеческого достоинства, вызвать в них сочувствие к бедным, несчастным, обиженным, — видим и в другой пьесе, которую Переведен поет парубкамъ. Пьеса про «Шипарку», которую казаки (то доици, то черноморци, а то и — чужеземцы) подбили в поход за собою, а затѣмъ, удовлетворив своей чувственности, убили ее, тоже принадлежитъ къ наиболее популярнымъ народнымъ пѣснямъ. Сюжетъ ея тоже пришлый, не украинскій, какъ и предыдущей; славянскіе варианты ея указаны и комментированы проф. Потебней. В народѣ эта пьеса получила популярность по тѣмъ яркимъ краскамъ, какими обрисовано в ней несчастье злополучной обиженной дѣвушки, а равно и по той серьезно-почтительной тенденціи, какая выражается в послѣднихъ ея строкахъ:

Ой хто діти має, най йихъ навчає,
Звечера до корчмы най йихъ не пускає.

Безчеловѣчное насилие надъ человѣкомъ изображено здѣсь простыми, но сильными словами, которыми ударяютъ прямо по сердцу.

Переведен, поющій такіа пѣсни парубкамъ, которые гуляютъ в шинку, хочетъ (по замыслу Шевченка), очевидно, страшными картинами заставить задуматься разгоряченныя головы разгулявшейся молодежи, отрезать ихъ разумъ и остановить гомоты, которая именно в корчмѣ, в шинку (на пиру), подъ вліяніемъ напнтковъ и шумной компаніи, чаще всего проявляются и выступаютъ изъ границъ.

Такой же взглядъ на кобзаря, какъ на защитника нравственной чистоты в жизни народа, проводника гуманныхъ, искреннихъ и добрыхъ отношеній между людьми, лежитъ в основѣ и дальнѣйшей сцены, гдѣ поэтъ представляетъ намъ Переведену в обществѣ женатыхъ людей «на бенкетѣ, де свекруха злая». Здѣсь Переведен поетъ «про тополи — лыху долю», т. е. про свекровь, которая, не влюбивъ своей невѣстки, послала ее в поле брать ленъ и заклала ее такъ, чтобы она, если къ вечеру не выберетъ льна, обратилась в тополь.

Что за пѣсня «У гаю», которую затѣмъ поетъ Переведен, нельзя сказать навѣрное: пѣсень, начинающихся этими словами, много; но, по всей вѣроятности, Шевченко имѣлъ в виду ту пѣсню, которая напечатана в Сборникѣ Чубинскаго въ 15-ти вариантахъ и въ которой разсказывается, какъ мать внушаетъ своему сыну бить жену, а сынъ, послушавшись матери, убиваетъ жену на смерть и послѣ того самъ погибаетъ («Озмы, сыну, дротяникъ нѣжнъ, звязы мыйай рученькы и нѣжы! Озмы, сыну, пагайку дротянику, спышы мыйу, якъ чорну кытайку!»). Это пѣсня вполне бытовая и по множе-

ству существующихъ вариантовъ, можно думать весьма распространенная в народѣ. По содержанию своему она, очевидно, является наиболее пригодной для той цѣли, ради которой Шевченко влагаетъ ее в уста Переведен, — чтобы побудить сердца людей страшными картинами, возбудить в нихъ сочувствие, а тѣмъ самымъ поднимать ихъ нравственно, облагораживать.

Наконецъ, на базарѣ, предъ широкою, такъ сказать, публикою, разнообразною толпою людей всѣхъ возрастовъ и сослодій, Переведен поетъ «про Лазаря», т. е. общеизвестный евангельскій рассказъ о богачомъ и Лазарѣ, перешедшій в народную поэзію и донынѣ распеваемый нищими и вызывающій сочувствіе къ беднякамъ и несчастнымъ. Предъ тою же толпою, «чтобы они о томъ знали», поетъ Переведен — и притомъ «тяжко-важко» поетъ — о томъ, «якъ Січъ руйновалы», т. е. историческую пѣсню о разрушеніи запорожской Сѣчи, долгое время служившей оплотомъ національной и религіозной независимости украинскаго народа.

Такими-то чертами надѣлалъ Шевченко своего кобзаря, его общественную, народную службу. Подъемъ гуманнаго чувства в землякахъ, облагораживание ихъ мыслей в чувствѣ, сохраненіе воспоминаній о прошломъ, живая передача свѣтлыхъ, добрыхъ явленій этого прошлаго новымъ поколѣніямъ, — вотъ сущность этой службы, вотъ дѣятельность кобзаря, народнаго пѣвца, каковаго изобразилъ Шевченко в Переведенѣ и какимъ, очевидно, и самъ онъ в ту пору желалъ быть для своего народа.

Кромѣ самого содержания и затѣмъ метода своей дѣятельности, Переведен отличается отъ пѣвца, изображеннаго в «Импровизаціи» Мицкевича, еще и тѣмъ, что въ немъ мы имѣемъ дѣло съ фигурою вполне реальною, живьемъ взятою изъ дѣйствительной украинской жизни, воплѣ національною, типичней украинскою во всѣхъ деталяхъ, тогда какъ Коирадъ, герой «Импровизаціи», — фигура мистическая и аллегорическая, произведеніе романтической фантазіи, не принадлежащее ни къ какому опредѣленному мѣсту, не одѣтое ни въ какой національный костюмъ.

Далеко не равнялся съ Мицкевичемъ в широтѣ мыслей и грандіозности картинъ, силѣ фантазіи, Шевченко равнялся съ нимъ по мѣткой характеристикѣ главной фигуры и даже превосходилъ его по ясности и реальности цѣлой картины.

*) Вліяніе вообще Мицкевича на нѣкоторыя произведенія Шевченко указалъ еще въ 1888 г. профессоръ кіевскаго университета Н. Дашкевичъ въ замѣчательномъ трудѣ своемъ «Отзвѣвъ о сочиненіи г. Петрова: „Отчерки украинской литературы XIX в.“, написанномъ по порученію Императорской академіи наукъ.

Конечно, причину этого надо искать в самой природѣ нашего поэта и в той литературной школѣ какую онъ прошелъ до написанія «Переведен». Происхожденіе Шевченка — простой крестьянской семьи и юность, проведенная въ крѣпостномъ состояніи, имѣли огромное вліяніе на весь складъ его мыслей и взглядовъ, на все направленіе и характеръ его поэтическаго творчества. Вліяніе это до сихъ поръ еще не выяснено достаточно научно; не представлено, что вынесъ Шевченко изъ польской кровли и вообще изъ жизни своей, встрѣчается множество указаній, относящихся къ этому предмету, и хотя критики и биографы пытались характеризовать это вліяніе, по дѣланнымъ работамъ вопроса. А вопросъ этотъ заслуживаетъ спеціальнаго изслѣдованія.

Обратимся къ нѣкоторымъ подробностямъ, которые помогутъ намъ выяснить шевченковскую концепцію кобзаря Переведен.

Извѣстно, какому уваженіемъ в украинскомъ народѣ пользуются кобзари и лирики. О значеніи ихъ вотъ что писалъ в свое время П. Курильскій въ «Запискахъ о южной Россіи»: «Нищая лиричъ в Малороссіи заслуживаетъ особаго вниманія. Бу учи послѣдними въ народѣ по своему убожеству и неспособности къ земледѣльческимъ и другимъ работамъ, малороссійскіе нищѣ занимаютъ первое мѣсто по развитію въ нихъ поэтическихъ и философскихъ способностей». «Въ Малороссіи замѣчается чрезвычайное множество сѣвцовъ и, надобно сказать, что всѣ они — по крайней мѣрѣ изъ извѣстныхъ миѣ — отличаются отъ прочихъ людей своего состоянія высшимъ настроеніемъ ума или рѣдкимъ благодушіемъ, или, наконецъ, си способностью къ фантастическимъ представленіямъ».

Курильскій передаетъ и взглядъ одного изъ нищихъ кобзарей, Андрея Шута, на свое ремесло: «Онъ смотритъ на ремесло нищаго, какъ на дѣло богоугодное. По его понятіямъ, нищій существуетъ на то, чтобы напоминать людямъ о Богѣ и добродѣтели». Конечно, такъ смотрѣлъ на кобзарей и самъ народъ, такъ смотрѣлъ на нихъ и Шевченко въ молодые свои годы. Онъ, конечно, не разъ встрѣчался съ ними в жизни. Живыя впечатлѣнія отъ кобзарей и ихъ пѣсень, должно быть, были и сильны, и многочисленны, если онъ послѣ 10-лѣтняго пребыванія вдали отъ родины (съ 1829 по 1839 г.), выступилъ на литературное поприще, такъ часто рисуя образы кобзарей. Мы видимъ ихъ въ «Катеринѣ», «Переведенѣ», «Тарасовой ночи», затѣмъ въ «Гайдамакахъ» и «Черныцѣ Марьявѣ»; на первомъ же его изданіи называется «Кобзаремъ»,

а въ типичной фигурѣ Переведен выражаетъ в значительной степени свои собственные тогдашнія мысли о долѣ поэта, о назначеніи его в народѣ. Но, помимо впечатлѣній дѣтства, на это частое обращеніе къ изображенію народнаго пѣвца, кобзаря, имѣла вліяніе и литературная школа, такъ называемая, украинская школа в польской литературѣ, дѣятели которой еще в половинѣ 20-хъ годовъ выступили съ своимъ новымъ словомъ на литературное поприще.

У поэтовъ этой школы впервые выступили идеализированные «старци-бандуристы». Въ 1824 г. Падура написалъ свою думку «Лиричъ», которая сдѣлалась до извѣстной степени народною пѣсней, распространившись главнымъ образомъ при посредствѣ шляхетскихъ и поповскихъ дворовъ и широко популяризировала въ 20-хъ и 30-хъ годахъ образъ бандуриста Видорте, въ пѣсняхъ котораго «воскресають змерлі люди, змерлыи частъ», и который, приходи въ замокъ, обращается со словами: «вѣдчиныйте замку брамы, нехай піснь въ нѣмъ загуде: пожуриця снівагъ зъ вами, пожуриця та й піде». «Журба, туга» — главный мотивъ пѣсень этого пераго в литературѣ пѣвца — бандуриста. Интересно, что этотъ пѣвецъ уже называется «апостоломъ»: «де апостола запросягъ, благословень буде дімъ». Апостолъ беретъ образъ бѣднаго странствующаго старца, чтобы вложить в будущее. По всей вѣроятности, на прошлое и будущее, по всей вѣроятности, Шевченко, бывши еще крѣпостнымъ, могъ быти, и при дворѣ своего помѣщика Энгельгардта, познакомился съ пѣснями Падуря. Въ одной изъ своихъ повѣстей 1858 г. онъ прямо говоритъ: «Поэзія Падуря миѣ извѣстна и переизвѣстна».

Довольно эффектно и ярко нарисовалъ старика бандуриста и Северинъ Гоцимскій в своей повѣсти «Zamek Kapiówsky», изданной в Варшавѣ въ 1828 г. Зналъ ли эту поэму Шевченко — до сихъ поръ свидѣтельства нѣтъ, по можно думать, что зналъ: объ этомъ могутъ свидѣтельствовать нѣкоторыя мѣста въ «Zamku» и въ «Гайдамакахъ», указанныя др. Огоновскимъ въ его разборѣ Шевченковой поэмы. Но едва ли не важнѣйшимъ обстоятельствомъ в этомъ случаѣ было несомнѣнное знакомство Шевченка съ произведеніями третьяго польскаго писателя украинской школы — Михаила Чайковскаго, эффектная фигура котораго «Wernyhora» на первый планъ выдвинула кобзаря, надѣлала его высоко идеальными чертами и въ концѣ-концовъ сдѣлала про рокомъ и патриотомъ польскимъ. Шевченко ни гдѣ не вспоминаетъ опредѣленно этой повѣсти, но его поэма «Гайдамаки» и собственные его примѣчанія къ ней совершенно ясно свидѣтельствуютъ, что онъ не только зналъ повѣсть Чай-

ковскаго, но иногда вносилъ изъ нея цѣлыя фразы и слѣдовалъ за нею въ своей поэмѣ во многихъ подробностяхъ (подробно указано это проф. Дашкевичемъ въ его «Отзывѣ», стр. 188). Такимъ образомъ, несомнѣнно, что образъ лирика-кобзаря уже задолго до Шевченка изображался довольно сходно съ тѣмъ, какъ онъ представленъ у Шевченка, который, создавая своего Перебендю, шелъ уже по проложенному пути, восстанавливая давнюю поэтическую традицію, принимая изъ нея одно и отбрасывая другое, углубляя сообразно своему таланту и вмѣстѣ съ тѣмъ вкладывая въ нее *свою* душу, свою жизнь, свои впечатлѣнія.

Конечно, то традиционное, что встрѣчаемъ въ произведеніи Шевченка, не все взято имъ изъ польской литературы. На изображеніе кобзаря иѣкоторое вліяніе имѣла и россійская литература, съ которою близко знакомилъ Шевченко, живя въ Петербургѣ съ 1831 г. О знакомствѣ Шевченка съ русскими и европейскими писателями въ 1838—43 гг. имѣются свидѣтельства въ его же автобиографической повѣсти «Художникъ», а равно и въ воспоминаніяхъ о немъ Кулиша.

Какими-же нитями связывается поэзія вообще Шевченка, въ частности разбираемое произведеніе, съ тогдашней русской литературой?

Идея противопоставленія поэта окружающему его обществу съ особою силою выразилась въ русской литературѣ у Пушкина.

Вліяніе на Пушкина эстетическихъ взглядовъ московскаго кружка, усвоившаго философскіе и эстетическіе взгляды Шеллинга, говорившаго объ искусствѣ для искусства, выразилось главнымъ образомъ въ стихотвореніяхъ «Пророкъ», «Поэтъ» и «Чернь».

Въ первомъ стихотвореніи Пушкинъ рисуетъ прекрасный образъ поэта—пророка, безстрашнаго обличителя всякой неправды и вѣстника божеской воли. Самъ Богъ говоритъ ему: «Встань, прохъ, и виждь, и внемли, исполнишь волею моею и, обходя моря и земли, глаголомъ жги сердца людей». Правда, Пушкинъ не указываетъ ясно, ради какой именно цѣли и какого содержанія «глаголами» поэтъ—пророкъ долженъ жечь сердца людей; но, несомнѣнно, указываетъ на какую-то реформаторскую общественную службу.

Обратимъ вниманіе въ этомъ стихотвореніи на слова поэта о самомъ себѣ.

„И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье“.

Эти слова, можно думать, имѣли въ виду и Шевченко, когда писалъ въ «Перебендѣ»:
А думка край світа на хмарі гуля,
Орломъ сназокрылымъ літає, ширяє,
Ажъ небо блакитне широкими бѣє;

Слохине на сонці, його запятає:
Де воно почує? Якъ воно встає?
Послухає моря, що воно говорить,
Спыта чорну хмару: чого ти німа?

И дальше говорить о Перебендѣ, что онъ «все знає, все чує, — що море говорить, де сонце почує».

Правда, дѣятельность Перебенди скромнѣе, но далеко яснѣе обозначена, реальнѣе, чѣмъ дѣятельность пушкинскаго пророка. Онъ не жгетъ своимъ глаголомъ сердца людей, а только разгоняетъ имъ тоску-печаль и научаетъ ихъ честной жизни.

Въ стихотвореніяхъ «Поэтъ» и «Чернь» Пушкинъ изъ поэта-пророка, учителя и реформатора, дѣлаетъ жреца: онъ не служитъ черни, толпѣ, а только—чистому искусству; пѣснь его—это жертвоприношеніе.

Гораціево «*Оди profanum vulgus*» повторяетъ Пушкинъ съ удвоенною силою... «Подите прочь!—говоритъ онъ толпѣ: какое дѣло поэту мирному до васъ? Въ развратѣ каменѣйте сѣбло: не оживитъ васъ лиры гласъ! Душѣ противны вы, какъ гробы. Для вашей глупости и злобы имѣли вы до сей поры бичи, темницы, топоры... Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!»

Всякая общественная дѣятельность, служеніе народу представляется несоотвѣствующимъ призванію поэта («Жрецы-ль у васъ меглу берутъ?»). Поэтъ не подлежитъ ничьему суду, не нуждается въ народной любви: «Поэтъ, не дорожи любовію народной! Ты царь—живи одинъ! Ты самъ свой высшій судъ» (Стх. «Поэту» 1830 г.).

Съ этой точки зрѣнія Пушкинъ укорилъ и Мицкевича, съ которымъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ, укорилъ именно за то, что Мицкевичъ «поетъ для толпы».

Конечно, вся натура Шевченка, полная любви къ бѣднымъ и обиженнымъ и ненависти къ обидчикамъ, отвращала его отъ такихъ взглядовъ, какіе выражены въ вышеприведенныхъ стихотвореніяхъ Пушкина. Тѣмъ не менѣе, иѣкоторый отзвукъ того же направленія слышимъ и въ стихотвореніи Шевченка.

Не забудемъ, что онъ былъ тогда ученикомъ Академіи Художествъ, гдѣ господствовалъ тогда еще псевдо-классицизмъ, рѣзко противный тому живому реализму, за которымъ Шевченко уже съ первыхъ шаговъ, почти безсознательно, пошелъ въ своей поэзіи; тамъ, въ академіи, онъ могъ и отъ самого Брюлова, и отъ другихъ набраться эстетическихъ формулъ о «чистомъ, божественномъ искусствѣ». А эти формулы фатальнымъ образомъ порождаютъ высокомерное и пренебрежительное отношеніе къ живымъ людямъ съ ихъ насущными нуждами и потребностями.

Такую тѣнь пренебреженія, совсѣмъ несогласнаго съ духомъ, съ общимъ характеромъ цѣлой

поэмы, встрѣчаемъ въ заключительныхъ строкахъ «Перебенди», гдѣ поэтъ хвалитъ своего кобзаря за то, что лучший свой пѣсни онъ поетъ въ степи на могилѣ, «щобъ люди не чулы», и говоритъ: «а щобъ тебе не цуралось, потурай йимъ, брате! Скачы, враже, якъ панъ каже: на те вінъ богатый!».

Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ этихъ словахъ слышится отзвукъ пушкинскаго стиха: «не оживитъ васъ лиры гласъ», и что продиктованы онѣ тѣмъ-же романтическимъ взглядомъ, что и слова Мицкевичево «Имировизація» («Нещастный, кто для людей языкъ свой и голосъ утруждаетъ»...), будто толпа совсѣмъ не способна понимать высокія думы поэта и отвѣчаетъ на нихъ только смѣхомъ и пренебреженіемъ. Шевченко скоро оставилъ такіе взгляды и самъ скоро убѣдился, что толпа (особенно толпа интеллигентная) совсѣмъ не такое неблагоприятное поле для сѣянія «божого слова», и что поэту, какъ и всякому дѣятелю народному, надо «орать свою ниву» и «сіяти слово», надо говорить «огненными словами, щобъ слово поломьямъ взялось, щобъ людямъ сердце ростопыло»... Вышеприведенныя-же слова въ концѣ «Перебенди» доказываютъ только, что поэтъ, когда писалъ эту небольшую поэму, недостаточно еще ясно понималъ назначеніе поэта, или-же слишкомъ подчинялся традиціи романтической школы.

Съ чисто художественной стороны мы причисляемъ «Перебендю» къ лучшимъ произведеніямъ Шевченка первой поры его творчества. Позже онъ создавалъ вещи сильнѣе и глубже по выраженію чувства, яснѣе и шире по взглядамъ, но мало создалъ произведеній болѣе гармоническихъ съ точки зрѣнія художественной цѣльности, болѣе простыхъ и живыхъ съ точки зрѣнія композиціи и характеристикъ деталей. Всѣ оригинальнѣе признаки его поэзіи: глубокая задумчивость, сердечность и простота вмѣстѣ съ пластичностью выраженія, чистая гармоническая рѣчь, весь, такъ сказать, сокъ украинскыхъ пѣсень народныхъ, съ меланхолическою основою и отѣнками взятаго юмора, претворенный въ кипучую кровь самого Шевченка, сильно окрашенный его индивидуальностію,—все это является уже въ полномъ блескѣ въ «Перебендѣ».

Описаніе украинской степи при всей своей краткости даетъ широкую и роскошно-живую картину, которую можно смѣло поставить наряду съ самыми лучшими картинами того-же содержанія у Залѣскаго.

Наше изслѣдованіе литературнаго генезиса главнаго мотива и отдѣльныхъ чертъ «Перебенди», надѣемся, показало, что Шевченко выступилъ

на литературное поприще съ достаточно широкимъ кругомъ идей и впечатлѣній, воспринятыхъ имъ частію изъ самой жизни, частію изъ чтенія книгъ, вообще съ далеко большимъ духовнымъ багажемъ, чѣмъ большинство украинскыхъ поэтовъ, которыхъ жизнь съ дѣтства складывалась счастливѣе, чѣмъ жизнь Шевченка. Дѣтство подъ отцовскою кровлею съ его дѣтскими радостями, у маленькаго Тараса не особенно частыми, и печальми, весьма у него перѣдкими; школьное ученіе, полное горькихъ корней, и странствованіе безпріютнаго юности между людьми съ жаждой «щобъ добру навчылы»; жизнь въ помѣщичьей дворѣ, гдѣ, кромѣ тяжелыхъ сценъ крѣпостнаго быта, крѣпостной Шевченко многому могъ и научиться; много видѣть и слышать такое, что обогащало его значіемъ свѣта и людей, кое-что и читать; пребываніе, въ качествѣ двороваго челоука, въ большихъ городахъ, какъ Вильна, Варшава и др., гдѣ, конечно, и крѣпостной челоукъ со способностями и любознательностью Шевченка могъ многое воспринять; жизнь у живописныхъ дѣлъ мастеровъ въ Варшавѣ и Петербургѣ; наконецъ, кружки, въ которые попалъ Шевченко въ Петербургѣ послѣ своего освобожденія (украино-фильскій кружокъ Гребенки и артистической, группировавшийся вокругъ Брюлова),—вотъ та школа жизни, которую прошелъ Шевченко до выступленія своего на литературное поприще. Справедливо поэтому замѣтилъ одинъ изъ его критиковъ г. Д—въ, что «Шевченко больше видѣлъ свѣта не только относительно народной среды мужиковъ, но и въ Россіи вообще, чѣмъ его ученые кіевскіе пріятели». Мы видѣли, изъ какого широкаго круга идей бралъ нашъ поэтъ импульсъ и указанія для первыхъ своихъ произведеній, быть можетъ, и не сознательно, но талантливо переваривая въ своей головѣ и бурный романтизмъ Мицкевича и Гоцинскаго, и шляхетское украинофильство Падуры, и либеральные норвы и реакціонный объективизмъ въ русской литературѣ,—и все это съ величайшимъ чувствомъ художественной мѣры и реальной правды переноса на здоревутъ почву украинской народной пѣсни и собственной высоко развитой индивидуальности. И если съ точки зрѣнія идейной въ «Перебендѣ» не совсѣмъ послѣдовательно выдержана цѣльность, то съ точки зрѣнія художественной эта маленькая поэма, при всей своей простотѣ и безпретенциозности, вполне удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ художественной критики.

1948

А. М—ий.

25r

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

Dr 2131

8181